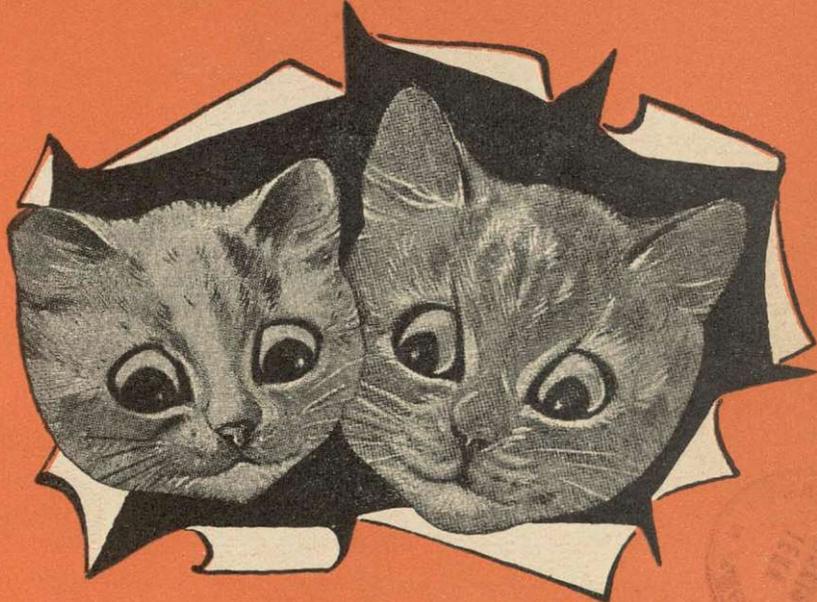

№ 18

І Ю Л Ъ

1908.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПО ПРИМѢРУ МОЙСЕЯ!
ЛѢТОМЪ.
ПОДКИДЫШЪ (повѣсть).
РЫБОЛОВЪ.
ГЛУХОНѢМАЯ (разсказъ).
РЕБУСЪ, ГОЛОВЛОМКА
И ПРОЧ.

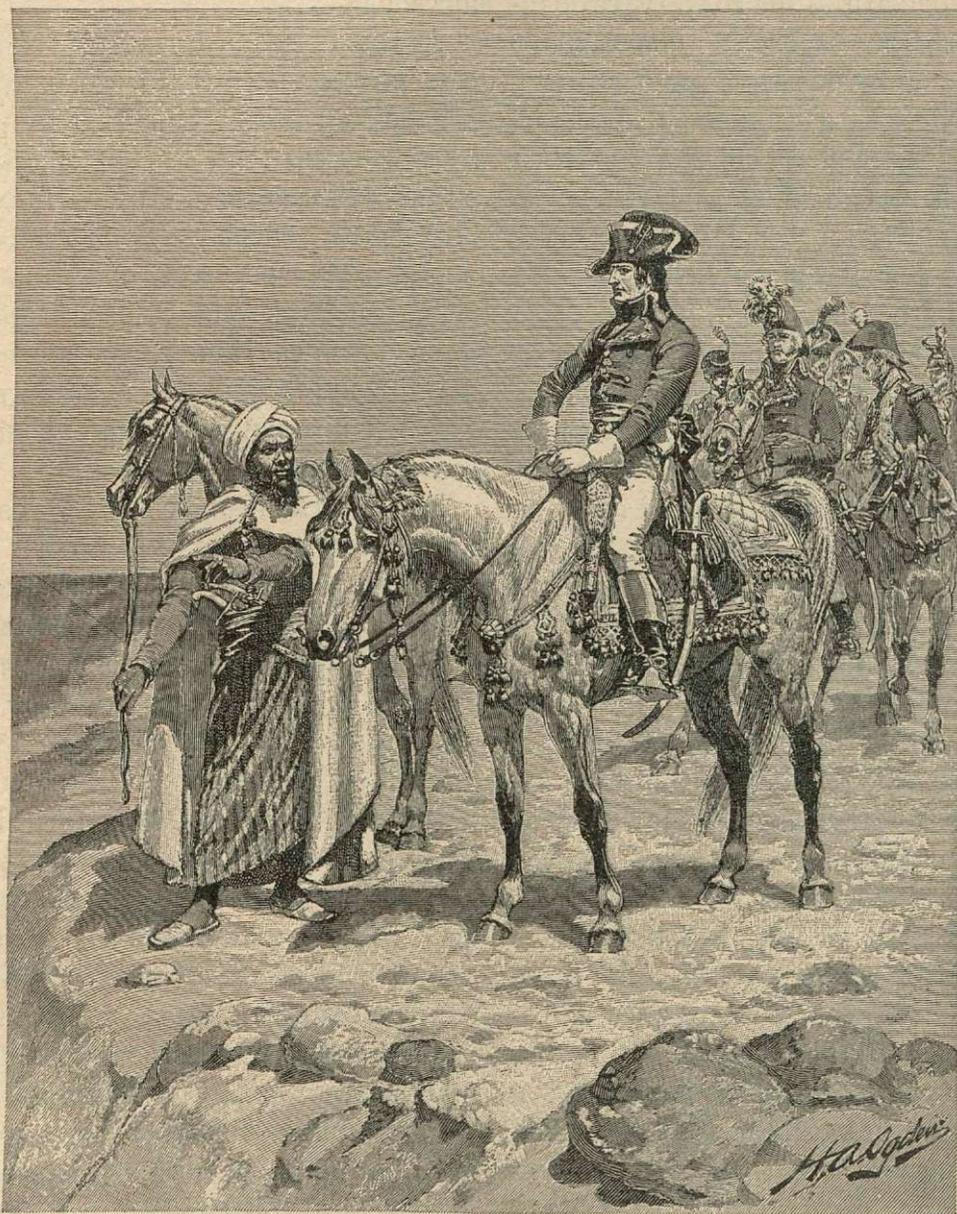
ПРИЛОЖЕНІЯ:

Дамскій шарбанъ 1800 года—
для склеиванія
Выкройка класснаго передника

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

ПО ПРИМѢРУ МОЙСЕЯ!

(Случай изъ жизни Наполеона).

Быль свѣтлый, безоблачный, жаркій день въ Нижнемъ Египтѣ и дѣло происходило въ 1798 году. Подъ ослѣпительнымъ блескомъ полуденнаго солнца какъ-то угрюмо стояли бѣлыя, плоскія крыши домовъ и высокіе, точно стеариновыя свѣчки, минареты мечетей города Суэца, позади котораго тянулась страшная, сѣрая, песчаная, безжизненная пустыня. Ни малѣйшаго дыханія вѣтерка не было замѣтно въ горячемъ, спертomъ, душномъ воздухѣ и синія, сверкавшія на солнцѣ воды Суэцкаго залива, точно широкое зеркало, разстилались у подошвы скалистаго мыса Расъ-Атака, на вершинѣ котораго находилась группа красивыхъ, французскихъ офицеровъ. Всѣ они были въ полной формѣ и статно сидѣли на своихъ коняхъ.

Начальникомъ этой группы былъ маленькій, сухощавый, длинноволосый молодой человѣкъ съ блѣднымъ желтоватаго цвѣта лицомъ, такъ неуклюже сидѣвшій въ сѣдлѣ, что его можно было принять за простого солдата. Его слабая фигура казалась ничтожной среди рослыхъ, съ суровыми лицами старыхъ служаекъ, которые его окружали. Зато его пытливые, сѣрые глаза, казалось, такъ и пронизывали насквозь того человѣка, съ которымъ онъ говорилъ, и выраженіе ихъ было такъ твердо и повелительно, что никто не осмѣлился

бы ему возражать, и даже старые, заслуженные генералы боялись въ нихъ глядѣть.

А между тѣмъ онъ былъ совсѣмъ еще молодъ, ему было всего только двадцать девять лѣтъ. Его имя гремѣло уже по всей Европѣ и всѣ уже знали, что побѣдить его было нельзя. Это былъ генералъ Бонапартъ, который изъ простыхъ солдатъ сдѣлался въ послѣдствіи Императоромъ и подъ именемъ Наполеона завоевалъ всю Европу и вторгся затѣмъ въ Россію, которая и была причиною его паденія.

Это былъ Наполеонъ. У самаго края мыса онъ осадил своего коня и сказалъ нѣсколько словъ своему проводнику, который представлялъ собою тоже замѣчательнаго человѣка, хотя и совершенно не похожаго на Бонапарта. Высокій, могучій, мускулистый и быстрый въ движеніяхъ, какъ охотничья собака, онъ представлялъ собою красивую фигуру восточнаго солдата. Его черная борода выдѣлялась пятномъ на его длинной бѣлой одеждѣ, его бѣлоснѣжный тюрбанъ, которымъ была покрыта его голова, еще болѣе отгнѣнял его быстрые черные глаза, его короткій, изогнутый кинжалъ былъ воткнутъ у него за ярко-красный шелковый поясъ. Звали его Шейхъ Рустанъ. Рубцы, которыми было изборождено почти

все его загорѣлое лицо, говорили о томъ, что онъ много разъ бываль на волосокъ отъ смерти.

— Ты говоришь, обратился къ нему Бонапартъ,—что вонъ по той самой песчаной тропинкѣ, что виднѣется тамъ у подошвы этихъ утесовъ, Мойсей провелъ евреевъ черезъ этотъ заливъ?

— Такъ говорятъ наши отцы, великій повелитель огня, отвѣтилъ ему арабъ, называя Бонапарта тѣмъ именемъ, подъ которымъ онъ уже сталъ извѣстенъ по всей Сирии и Египту.— По этимъ самымъ холмамъ скакалъ за Мойсеемъ египетскій фараонъ и вотъ по этому самому песку бросился за дѣтьми Израиля (евреями) въ море. Но Мойсей помолился своему Аллаху (Богу) и Аллахъ приказалъ морю утопить фараона и все его войско. Фараонъ тоже былъ великій полководецъ, прибавилъ Шейхъ съ выразительнымъ взглядомъ на Бонапарта, —но онъ не могъ побѣдить моря и его волнъ!

— А не попытаться-ли и намъ перейти море, какъ это сдѣлалъ Мойсей? обратился къ своимъ генераламъ Бонапартъ, не замѣчая намека проводника.— Тотъ берегъ видно, вода не глубока, и, кажется, мы добрались бы туда скоро. Господа, давайте поступимъ, какъ Мойсей! Намъ необходимо перебраться на тотъ берегъ, отъ этого зависитъ успѣхъ нашего похода. А какова вода, Рустанъ?

— Полный отливъ, повелитель огня! отвѣтилъ проводникъ, стараясь повер-

нуть голову такъ, чтобы Бонапартъ не замѣтилъ той жестокой радости, которою вдругъ засвѣтились его черные, недобрые глаза.

— Такъ давайте попробуемъ! продолжалъ Бонапартъ такимъ тономъ, которому никто не рѣшился-бы возражать.— Мы еще успѣемъ добраться до прилива, а если онъ начнется раньше, чѣмъ мы достигнемъ того берега, то мы съ успѣхомъ можемъ возвратиться обратно въ Суэцъ. Рустанъ, можешь идти къ себѣ домой. Друзья, за мной! Въ море! По примѣру Мойсея!

И всѣ съ радостью бросились вслѣдъ за своимъ полководцемъ, тогда какъ Рустанъ еще долго со своего утеса смотрѣлъ имъ въ слѣдъ своими злобными глазами, въ которыхъ свѣтилось торжество: онъ нарочно сказалъ Бонапарту, что былъ полный отливъ. Наоборотъ, начался уже приливъ и арабъ надѣялся, что море погубитъ французовъ, которые вторглись въ его родную страну, точно такъ-же, какъ погубило когда-то фараона.

— Теперь онъ захлебнется тамъ... бормоталъ сквозь зубы Шейхъ.— Съ нимъ будетъ то-же, что и съ древнимъ фараономъ. Вода тушитъ огонь, потушитъ она и самого великаго повелителя огня! Это ему за то, что онъ побѣдилъ моихъ соотечественниковъ Мамелюковъ! Такъ ему и надо! Теперь моя страна будетъ свободна!

Весело скакали французскіе офицеры по мягкому, влажному песку и по неглубокой водѣ, которая его

покрывала. Они смѣялись и самая мысль, что они перейдутъ черезъ море верхомъ на лошадяхъ, какъ это сдѣлалъ въ древности Мойсей, приводила ихъ въ восторгъ. Къ тому-же и ѣхать было теперь много веселѣе, чѣмъ до сихъ поръ, потому что поднимался съ залива вѣтерокъ и сталъ дуть не переставая съ юга, неся съ собою свѣжесть и прохладу открытаго моря. И такъ они скакали все дальше, и дальше, все впередъ и впередъ, пока наконецъ угрюмый, скалистый мысъ Расъ-Атака и высокая фигура стоявшаго на его вершинѣ Шейха Рустана не потонули для нихъ въ туманной дали.

Вдругъ одинъ молодой офицеръ, ѣхавшій немного правѣ другихъ, сталъ замѣчать, что море какъ-то сразу, въ одинъ моментъ, стало дѣлаться все глубже и глубже. Въ первую минуту никто не обратилъ на это никакого вниманія, но вскорѣ затѣмъ и самъ генералъ Бонапартъ сразу осадилъ своего коня и сталъ пугливо глядѣть на югъ. И вдругъ все его сухощавое лицо омрачилось. Начинался приливъ, а они еще не сдѣлали и половины пути.

Имъ оставалось только одно: это поскорѣе вернуться назадъ. Но въ ту самую минуту, какъ они хотѣли это сдѣлать, южный вѣтеръ бросилъ на нихъ такую громадную волну прилива и съ такою страшною силой, что ихъ лошади едва устояли на ногахъ.

Все глубже и глубже становилась вода, все сильнѣе и сильнѣе нажимало

теченіе. А между тѣмъ надъ головами у офицеровъ радостно свѣтило солнце и прыгавшія волны такъ и сверкали подъ его лучами, а вдалькѣ, на берегу, высокія пальмы качали своими перистыми вѣтвями и было такъ красиво кругомъ, какъ на картинѣ.

— Намъ остается только одно, воскликнулъ Бонапартъ, вставая на стремена и громко крича, чтобы его не могли заглушить волны.—Гдѣ-то здѣсь, не подалеку, должна быть узкая песчаная коса, на которую выходилъ когда-то Мойсей. Если мы успѣемъ добраться до нея, то мы спасены, иначе мы погибли. Скачите всѣ въ разсыпную, поразнымъ направленіямъ, и кому удастся ее найти, пусть тотъ крикнетъ намъ какъ можно громче! Развѣ вы не помните изъ библіи, что и Мойсея засталъ въ морѣ приливъ, и что ему удалось спастись съ евреями только потому, что онъ успѣлъ вовремя добраться до этой косы? Ее не видно подъ водою, но она должна быть здѣсь и до сихъ поръ! Будемъ-же Моисеями и постараемся ее найти во что-бы то ни стало! Горе фараону, который не могъ ее найти!

Твердый, увѣренный голосъ генерала сразу поднялъ упавшій духъ его офицеровъ и они тотчасъ-же безпрекословно повиновались.

И дѣйствительно, вскорѣ послышался крикъ одного изъ молодыхъ капитановъ. Его лошадь, плывшая все время по волнамъ, вдругъ почувствовала подъ собою твердую почву, и стала на ноги; вода доходила у нея

всего только лишь до колѣнъ. Песчаная коса, на которую выходилъ когда-то Мойсей, такимъ образомъ была найдена!

Всѣ тотчасъ-же бросились къ нему, и стали выбираться на эту невидимую подводную косу. Утомившіяся, выбившіяся изъ силъ, лошади готовы были уже погибнуть у самаго якоря спасенія, но офицеры бодро боролись противъ прилива и волнъ и наконецъ всѣ счастливо выбрались на косу.

А Рустанъ все это время съ захватывающимъ интересомъ слѣдилъ за ними со своей высокой скалы. Они же весело скакали теперь по этой косѣ обратно къ берегу, къ тому самому мѣсту, съ котораго отправились въ путь. Увидѣвъ ихъ, невредимо возвращавшихся назадъ, онъ бросился къ нимъ на встрѣчу и, когда поравнялся съ нимъ Бонапартъ, онъ положилъ въ знакъ покорности къ его ногамъ свой тюрбанъ и угрюмо сказалъ:—

— Великій повелитель огня, ты болѣе могущественъ и силенъ, чѣмъ волны океана. Бери мою жизнь, потому что я не смѣю просить у тебя пощады.

— За что-же братъ мнѣ у тебя ее? спросилъ его Наполеонъ.—Развѣ ты провинился предо мною?

И ни одна черточка не дрогнула на его мраморномъ лицѣ. Даже тяжкая опасность, которой онъ только что подвергался самъ и подвергалъ своихъ людей, не оставила на немъ ни малѣйшаго слѣда.

— Я Мамелюкъ, съ гордостью отвѣтилъ Рустанъ,—и какъ твой мечъ

поражалъ моихъ братьевъ, такъ и я желалъ, чтобы поразили тебя море и его приливъ. Когда я говорилъ тебѣ, что былъ отливъ, я тебѣ лгалъ. Уже давно тогда начинался приливъ и я послалъ тебя въ воду, потому что твердо надѣялся, что ты тамъ найдешь себѣ конецъ!

— Напрасно! отвѣтилъ холодно Наполеонъ.—Со мной еще можно жить въ дружбѣ. Если я пощажу теперь тебѣ жизнь, то что ты мнѣ дашь за это взамѣнъ?

— Я буду твоимъ вѣрнымъ рабомъ! воскликнулъ Мамелюкъ, глядя съ дикимъ восхищеніемъ на молодого генерала.— Я, Рустанъ, сынъ Селима, могу быть рабомъ только владыки міра и ты будешь этимъ владыкой!

— Пусть будетъ такъ, отвѣтилъ Бонапартъ.— Отнынѣ ты будешь моимъ слугою и я надѣюсь, что ты больше не измѣнишь мнѣ никогда!

И Рустанъ дѣйствительно никогда ему больше не измѣнялъ. Всю свою жизнь онъ провелъ затѣмъ около Наполеона и какъ вѣрная собака охранялъ ему жизнь и часто спасалъ его отъ враговъ. Онъ былъ вѣренъ Наполеону во дни его славы, когда тотъ достигъ императорской короны и когда сталъ владыкой всей Европы, и остался ему вѣренъ до конца, когда счастье повернулось къ его властелину спиною и когда много лѣтъ спустя несчастный, больной, всѣми оставленный Наполеонъ, лишенный престола, умеръ на одинокой

скалъ святой Елены, заброшенной
среди пустынного океана.

И всѣ говорили: у Наполеона былъ
вѣрный слуга, какого не было ни

у кого. Это былъ Рустанъ Маме-
люкъ.

David Ker.

Прочитать: «Переходъ Евреевъ черезъ Черм-
ное море» изъ священной исторіи Ветхаго Заѣта
и «Воздушный Корабль» Лермонтова.

ЛѢТОМЪ.

Мелькають крылья ласточекъ
На солнцѣ серебромъ;
Луга цвѣтами убраны,
Лѣса шумять кругомъ. —

Какъ солнцу рады ласточки,
Какъ высоко взвились!
Звенить ихъ крикомъ радостнымъ
Вся голубая высь.

Поля кругомъ раскинулись, —
Конца имъ не видать.
Рожь поднялась, волнуется, —
Просторъ и благодать!..

Ив. Бѣлоусовъ.

ПОДКИДЫШЪ.

Романъ Мэргіе.

(Продолженіе).

Ш.

Странствующіе комедіанты.

Когда г-нъ Ледюкъ узналъ объ
опасности, которой подвергалась его
дочь, и о геройствѣ Ноэля, онъ рѣ-
шилъ въ тотъ-же день лично побла-
годарить Тома Керуэля за то, что
онъ воспиталъ въ Ноэлѣ такого са-
моотверженнаго храбреца. Старый
морякъ сидѣлъ въ это время на по-
рогѣ своего трактира.

— Я хочу просить у васъ одной

услуги, — сказалъ Ледюкъ, подходя къ
нему. Я хочу предложить вамъ мѣсто
управляющаго у меня въ замкѣ съ
тѣмъ, чтобы вы распоряжались въ
немъ всѣми служащими.

Томъ Керуэль съ благодарностью
принялъ это предложеніе Ледюка.

— Это еще не все, продолжалъ
Ледюкъ. Сегодня утромъ Ноэль спасъ
мою дочь отъ разъяреннаго быка, и

я считаю долгомъ вознаградить мальчика за его хладнокровіе и самоотверженную храбрость. Дѣла требуютъ моего присутствія въ Брестѣ, гдѣ я пробуду недѣлю. Я думаю взять съ собою Фредерика и въ товарищи ему прошу васъ отпустить и Ноэля. Это будетъ для нихъ прекрасное путешествіе!

— Онъ еще такъ малъ, сказала Марія-Жанна, услышавъ этотъ разговоръ,—что можетъ васъ стѣснить, да къ тому-же за нимъ нуженъ и присмотръ...

— А Фредерикъ? весело возразилъ Ледюкъ.— Ужъ вы положитесь на меня. Путешествія вѣдь такъ полезны для дѣтей. Первая разлука вамъ кажется тяжелой, но она не послѣдняя. Ноэль обладаетъ такими качествами, которыя доставятъ ему современемъ всеобщее уваженіе. Эти качества слѣдуетъ развить уже теперь. Могу васъ успокоить, что путешествіе не будетъ для него утомительно.

Марія-Жанна не возражала и согласилась.

И Ледюкъ, Фредерикъ и Ноэль въ тотъ-же день отправились въ путь и проѣздили цѣлую недѣлю. Они возвратились домой, полные впечатлѣній отъ своей поѣздки и отъ зрѣлища океана, который они увидѣли въ первый разъ и на которомъ они посѣтили маякъ.

Они рассказывали, какъ пѣнившіяся волны океана съ неимовернымъ шумомъ ударялись о скалы. И въ то время, какъ Фредерикъ робко

прижимался къ отцу, Ноэль жадно слушалъ объясненія старика-сторожа, который пріютилъ ихъ въ своей стеклячатой каюткѣ на маякѣ.

— Тяжелая у васъ служба? спросилъ у него Ледюкъ.

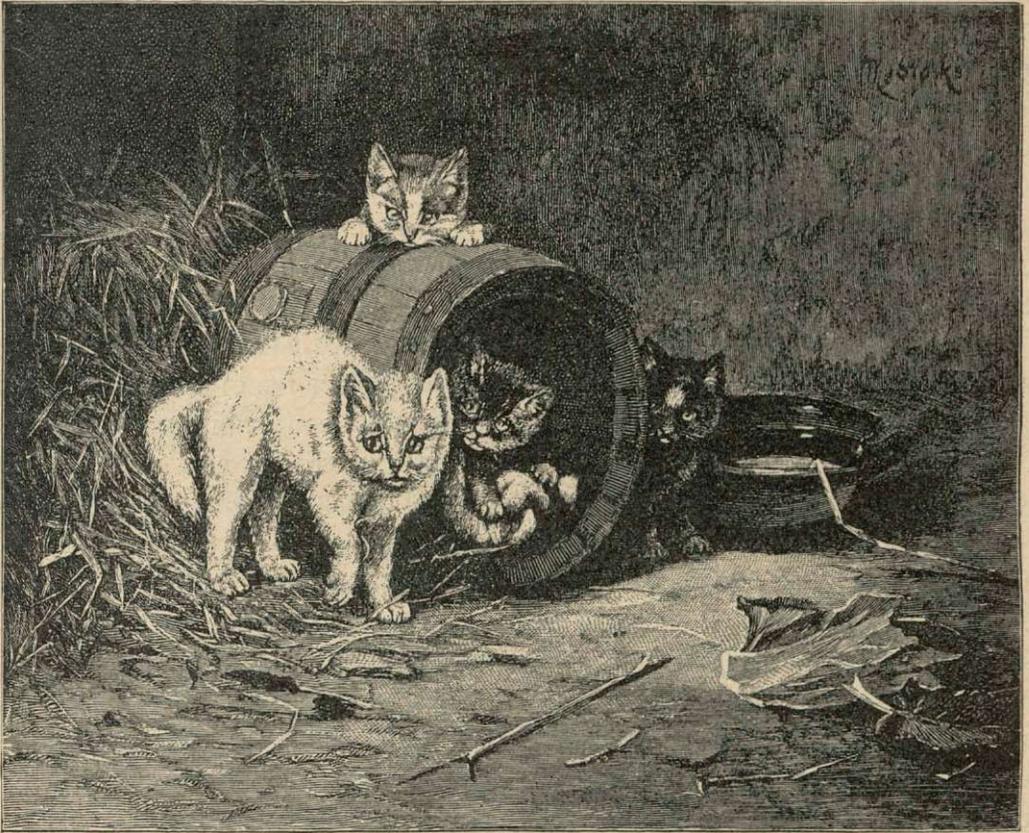
— Все—дѣло привычки, сударь, отвѣтилъ сторожъ. Въ двухъ минутахъ ходьбы отсюда живетъ моя семья. Вся эта печальная мѣстность, всѣ эти необозримыя пространства составляютъ мои владѣнія, которыя оспаривать никто у меня не пожелаетъ. Удары волнъ и завываніе вѣтра составляютъ для меня гораздо большее удовольствіе, чѣмъ расслабляющая музыка вашихъ гостиныхъ. И въ этомъ шумѣ океана я умѣю отличать и отчаянный призывъ о помощи погибающимъ судамъ и тяжкіе вздохи уже утонувшихъ людей. Въ сильныя бури, когда туманъ застилаетъ маячный огонь, я звоню въ набатный колоколь. Слыша мой звонъ, путники знаютъ, что они недалеко отъ берега, и спасаются.

Вѣтеръ дулъ такъ, что покачивалъ маякъ, Фредерикъ дрожалъ отъ страха, Ноэль-же былъ совершенно спокоенъ, точно чувствовалъ себя въ своемъ трактирѣ «Свиданіе друзей».

— Не бойтесь, сказалъ имъ старикъ. Это послѣднія конвульсіи океана.

И указавъ дѣтямъ на обнаженныя скалы, онъ продолжалъ:

— Въ прежніе годы, въ такую бурю какъ сегодня, злые люди нарочно зажигали огонь на берегу, чтобъ привлечь погибающія суда. Принимая

Собака приближается!

издали этотъ ихъ огонь за маякъ, суда подплывали близко и разбивались о скалы. Тогда разбойники ихъ разграбляли.

И сторожъ разсказалъ имъ много страшныхъ исторій о морскихъ разбойникахъ или пиратахъ.

Они слушали его съ большимъ интересомъ и старались не проронить ни одного его слова. А когда буря утихла, то г. Ледюкъ повезъ ихъ домой.

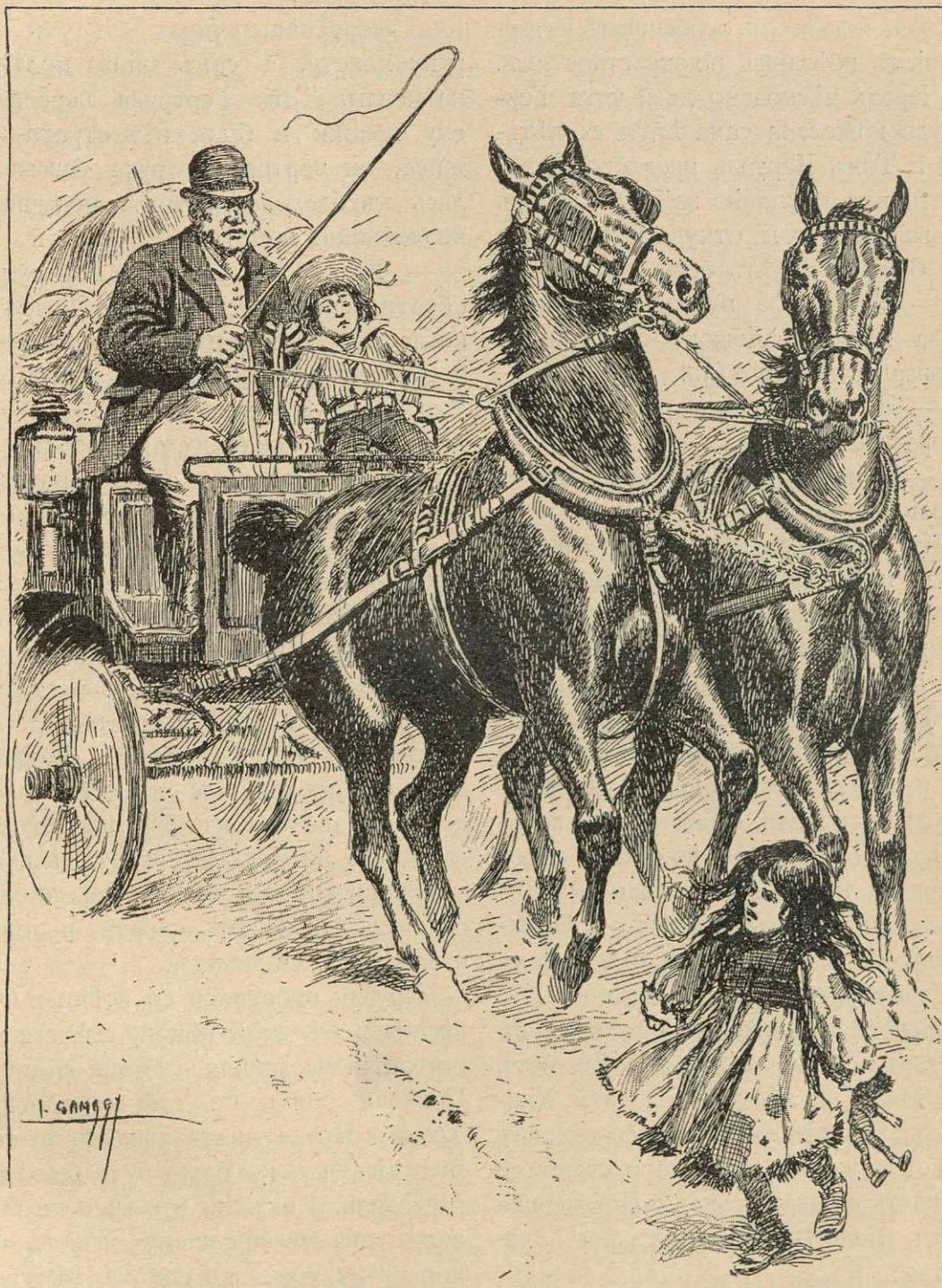
Утомленный дорогой и волненіемъ, Фредерикъ подъ конецъ заснулъ, а Ноэль, съ сожалѣніемъ покидая безлюдный берегъ, долго смотрѣлъ на

океанъ, и никакъ не могъ наслушаться его нелюдимаго ворчанья.

* * *

Послѣ этого путешествія жизнь въ замкѣ Фелье потекла своимъ чередомъ. Ледюкъ вернулся въ Парижъ, Ноэль и Фредерикъ не довольствовались уже паркомъ Фелье. Они попросили у госпожи Ледюкъ позволенія время отъ времени ѣздить по окрестностямъ подъ надзоромъ Тома, которому хорошо были извѣстны всѣ мѣста.

Шарлотта, скучавшая безъ брата и

Дѣвочка лѣтъ восьми отъ страха не могла двинуться съ мѣста.

Ноэля, ждала съ особеннымъ нетерпѣніемъ поѣздокъ по окрестностямъ.

Черезъ нѣсколько дней тетя Гертруда пожелала сама ѣхать съ дѣтьми и Томъ Керуэль предложилъ повезти всю компанію за шесть верстъ на вершину горы, откуда можно было въ бинокль видѣть берегъ моря.

— Это цѣлое путешествіе, замѣтила госпожа Ледюкъ.—Только не возвращайтесь поздно!

— На меня можно положиться, возразила Гертруда.

— И на меня также, сказалъ Керуэль.

Къ несчастію, погода не прояснилась и путешественники даже съ биноклемъ ничего не могли увидѣть кромѣ тумана. Поѣхали домой. Томъ самъ правилъ лошадьми. Вдругъ при вѣздѣ въ Ленемень раздался страшный крикъ. Томъ остановилъ лошадей и, передавъ возжи Гертрудѣ, прыгнулъ съ козелъ. Дѣвочка лѣтъ восьми, въ лохмотьяхъ, но очень хорошенькая, играла на дорогѣ, и не замѣтила, какъ ѣхалъ экипажъ, и слышавъ сзади бубенчики, отъ страха не могла двинуться съ мѣста.

Неподалеку находился фургонъ, въ которомъ обыкновенно переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто комедіанты. Увидѣвъ, что дѣвочка въ опасности, изъ него выскочила старуха и стала ей кричать и махать руками. Но дѣвочка такъ и застыла у самыхъ ногъ лошадей.

Керуэль соскочилъ съ козелъ, осмотрѣлъ дѣвочку и, убѣдившись, что

она невредима, сунулъ старухѣ въ руку монету, а самъ снова полѣзъ на козлы. Тетя Гертруда передала ему вожжи и была отъ страха ни жива, ни мертва. Старуха разсыпалась въ благодарностяхъ, получивъ неожиданно монету.

— Какъ ты блѣдна, Гертруда! обратилась къ тетѣ г-жа Ледюкъ, когда они черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого возвратились домой.—Что нибудь случилось?

— Мама! воскликнула Шарлотта,—мы чуть не раздавили сейчасъ какую-то дѣвочку. Томъ Керуэль ее спасъ!

— Это правда... подтвердилъ и Фредерикъ.

Тетя Гертруда рассказала подробно, какъ все произошло и какъ ее напугалъ этотъ случай.

Тогда г-жа Ледюкъ, не зная, что Томъ Керуэль уже помогъ старухѣ деньгами, предложила на слѣдующій день отправиться къ фургону, чтобы взглянуть на эту дѣвочку, такъ счастливо спасающуюся отъ смерти, да еще отъ такой ужасной смерти, и тоже предложить ей денегъ.

Керуэль простился со всѣми и отправился къ себѣ домой, гдѣ его съ нетерпѣніемъ ожидала Марія-Жанна. Проходя опять по той же дорогѣ, Томъ и Ноэль опять увидели ту самую дѣвочку, которую чуть было не раздавили. Какъ ни въ чемъ не бывало, она по-прежнему играла на дорогѣ на томъ же самомъ мѣстѣ и держала себя такъ, точно съ нею ничего и не случилось.

Поднявъ глаза, она увидала ихъ и тотчасъ же узнала. Она бросилась бѣгомъ къ фургону и закричала изъ всѣхъ силъ:

— Мама, мама! Господа съ коляски! Старуха вышла и закивала головой.

— Благодарю васъ, мои господа... залепетала она. — Очень рада, что могу снова поблагодарить васъ за ваше доброе сердце. Такъ теперь мало стало добрыхъ людей на свѣтѣ!..

И замѣтивъ, что Ноэль съ любопытствомъ разглядывалъ фургонъ, она продолжала:

— Это не такой роскошный домъ, какъ вашъ, мой молодой господинъ. Когда бѣденъ и не имѣешь средствъ, то приходится жить, гдѣ попало и гдѣ подешевле. А тѣ дама и барышня, онѣ тоже живутъ въ Леневи?..

— Нѣтъ, это владѣльцы замка Фелье, отвѣтилъ Ноэль.

— Я сразу же догадалась, что это люди высшего круга!

— И при этомъ очень великодушные! добавилъ Керуэль, съ непріязнью посматривая на старуху. — Завтра онѣ къ вамъ придутъ!

— Завтра придутъ? воскликнула старуха. — Какая честь для насъ! Надо будетъ прибрать хорошенько у себя въ фургонѣ...

— Да вы что продаете? грубовато спросилъ у нея Керуэль.

— Что продаю? Ну, можно ли задавать такіе вопросы? — обидѣлась старуха. — Мы не лавочники какіенибудь... Мы—артисты... Каждый вечеръ мы даемъ представленія!

— Вотъ какъ!

— Да, сударь... Наши представленія извѣстны даже въ Парижѣ!

— А большая у васъ труппа?

— Четверо мужчинъ и три женщины, считая въ ихъ числѣ и эту дѣвочку. Она у насъ играетъ роли сиротокъ и подкидышей. Быть можетъ, вы будете такъ добры, что пожелаете побывать у насъ сегодня на представленіи? Тогда я могу оставить для васъ два мѣста на сегодняшній вечеръ.

— Не обещаю, что буду свободенъ, пробурчалъ Керуэль. — По вечерамъ я болѣе всего нуженъ у себя въ трактирѣ «Свиданіе друзей».

— Вотъ какъ! воскликнула старуха. — Такъ это вашъ трактиръ? Наши часто бываютъ у васъ!..

Она хотѣла сказать еще что-то, но Томъ былъ уже далеко.

Придя домой, онъ увидалъ, что его трактиръ былъ биткомъ набитъ посѣтителеми и они накурили въ немъ такъ, что дымъ стоялъ коромысломъ.

— Наконецъ то!.. воскликнула Марія-Жанна, — Я ужъ васъ заждалась... Просто голову потеряла... Помогите хоть немножко...

Съ самага начала каникулъ Ноэль цѣлые дни проводилъ въ замкѣ Фелье. Обыкновенно онъ уходилъ къ своимъ богатымъ друзьямъ одинъ, въ девять часовъ утра. Бояться по дорогѣ было нечего, да и разстояніе было сравнительно не велико.

Когда на этотъ разъ онъ шель въ замокъ, напѣвая по пути мѣстную пѣсню, то его кто-то вдругъ окликнулъ:

— Мальчикъ!.. Мальчикъ!..

Въ удивленіи онъ обернулся.

Это была вчерашняя дѣвочка.

— Что тебѣ? спросилъ ее Ноэль.

Дѣвочка. Ничего.

Ноэль. Ну, такъ прощай, я спѣшу.

Дѣвочка. Ты идешь въ замокъ?

Ноэль. Да.

Дѣвочка. Должно быть въ замкѣ хорошо?

Ноэль. Пойдемъ со мной и увидишь...

Дѣвочка. Нѣтъ... Я плохо одѣта...

Ноэль. Госпожа Ледюкъ придетъ сегодня къ твоей матери...

Дѣвочка. Со всѣми, кто вчера ѣхалъ въ экипажѣ?

Ноэль. Да.

Дѣвочка [сдѣлавъ гримасу]. Мнѣ не нравится тотъ мальчикъ...

Ноэль. Почему?

Дѣвочка. Какой-то гордый... Не такой, какъ ты... Ты добрый, ты въ меня не бросаешь камнями, какъ другіе здѣшніе...

Ноэль [сжавъ кулакъ]. Въ тебя бросаютъ камнями?... Кто же это?

Дѣвочка. Всѣ.

Ноэль. За что?

Дѣвочка. Меня дразнятъ, что я дочь паяца. Я не понимаю, что это значитъ? Иногда меня хотятъ побить и тогда я прячусь за нашъ фургонъ, въ которомъ мы живемъ, и тамъ плачу одна...

Ноэль [ему жаль]. Какъ тебя зовутъ?

Дѣвочка. Анита.

Ноэль. Красивое имя.

Дѣвочка [глядя съ довѣріемъ]. Давай будемъ друзьями!

Ноэль. Давай...

Дѣвочка. А ты не будешь бросать въ меня камни?

Ноэль [обидясь]. Съ чего ты это взяла? Наоборотъ, я буду тебя теперь защищать... Я еще маленькій, но я не боюсь никого.

Дѣвочка. Ты часто ходишь по этой дорогѣ?

Ноэль. Каждый день... Я хожу въ замокъ Фелье. Но я тамъ не живу... Я вмѣстѣ съ дядей Томомъ и тетей Маріей-Жанной живу въ трактирѣ «Свиданіе друзей».

Дѣвочка [съ дрожью въ голосѣ]. Значитъ, у тебя нѣтъ папы?

Ноэль [печально]. Я его никогда не видалъ... Дядя Томъ говоритъ, что очень любилъ его. Когда онъ вспоминаетъ о немъ, онъ всегда плачетъ.

Дѣвочка. Какъ тебя зовутъ?

Ноэль. Ноэлемъ...

Дѣвочка. Смѣшно... Не выговоришь!.. А самъ ты кто?

Ноэль. Меня нашли, когда я еще былъ ребенкомъ, на ступенькахъ церкви Фольгоэ.

Дѣвочка. Значитъ, ты подкидышъ?

Ноэль. Не знаю... нѣтъ... Я сирота.

Дѣвочка. А развѣ это не одно и то-же?

Ноэль. Нѣтъ.

Дѣвочка. А я... я тоже не знаю, кто мои мать и отецъ... Меня подо-

брали на улицѣ въ кучѣ разнаго хлама. Та старушка, которую вы вчера видѣли, Фемія, взяла меня къ себѣ.

Ноэль. А она тебя бьетъ?

Дѣвочка. Какъ придется... Въ особенности, когда у насъ не хватаетъ хлѣба. Нашъ старшій, который теперь спитъ въ фургонѣ, называетъ меня

— Давай будемъ друзьями!

лѣнтяйкой и всякій разъ попрекаетъ, что я дорого имъ стою... Приходи поглядѣть на меня; я вѣдь тоже играю...

Ноэль [строга]. Я не хожу въ театр... Это могутъ только большіе... Но если ты такъ хочешь, то я попрошу дядю Тома и онъ сведетъ меня къ вамъ на представленіе. А у васъ дорогая плата?

Дѣвочка. Десять су первая скамейка, и пять вторая... Приходи!

Ноэль. Постараюсь... Прощай, мнѣ пора!

Дѣвочка. [печально]. Прощай, Ноэль. Скоро увидимся?

Ноэль. Да, Анита.

И Ноэль ушелъ. Анита долго смотрѣла ему вслѣдъ и затѣмъ заплакала. До сихъ поръ съ нею никто еще такъ не разговаривалъ ни разу, и этотъ маленькій разговоръ показался ей прекрасной лаской, которой она не испытывала никогда.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РЫБОЛОВЪ.

Дождливый день, летаютъ мошки,
Комаръ кусаетъ и зудитъ,
Съ утра, чуть свѣтъ, съ терпѣньемъ
кошки
Ужъ Митя съ удочкой стоитъ.

Онъ ловитъ рыбу... Радъ ужасно,
Не даромъ долго онъ стоялъ!
Онъ пять часовъ ловилъ напрасно
И вотъ рыбешку онъ поймалъ!

Для благородной этой страсти
Себѣ онъ ноги промочилъ,

Онъ разрывалъ червей на части
И комаровъ собой кормилъ.

А рыбка маленькая, съ пальчикъ,
Какая въ кухнѣ не идетъ...
Но весь сіяетъ счастьемъ мальчикъ
И рыбку... кошкѣ отдаетъ.

И такъ подумаешь невольно:
«Быть можетъ, это пустяки,
«А все-же рыбкѣ было больно
«И все-жъ страдали червяки».

Кузнечикъ.

ГЛУХОНѢМАЯ.

Это была веселая, жизнерадостная дѣвочка лѣтъ четырехъ. Когда отецъ ея говорилъ что-нибудь смѣшное, то она заливалась звонкимъ смѣхомъ, а глядя на нее, смѣялись и большіе. А когда ея мать начинала пѣть, то съ нею вмѣстѣ на весь домъ распѣвала и она. Но вотъ случилось несчастье.

Какъ-то вечеромъ папа и мама были въ гостяхъ, куда возили съ собою и Летти. Возвращались домой поздно, въ вагонѣ конки, а когда пріѣхали къ себѣ, то у ихъ Летти вдругъ началась рвота и вслѣдъ за тѣмъ маленькая веселушка почувствовала въ горлѣ боль и слезла. Позвали наутро доктора и онъ сказалъ, что у Летти скарлатина.

Цѣлыя три недѣли пролежала бѣдная Летти въ постели. Она бодро выдержала и жаръ, и скарлатинную сыпь и уже совсѣмъ было стала поправляться, какъ болѣзнь вдругъ бросилась ей на уши и Летти оглохла навсегда. Папа и мама испугались, громко звали ее по имени, кричали ей, старались добиться отъ нея отвѣта, но она ихъ не понимала и, думая, что отецъ ее ругаетъ, плакала и говорила:—

— Папа, прости меня, я больше не буду.

И съ этихъ поръ дѣвочка притихла, перестала смѣяться, щебетать, говорить глупости. Гремѣль-ли громъ, проходили-ли мимо солдаты съ музыкой,—она только смотрѣла печаль-

ными глазами на другихъ и, повидимому, не понимала, въ чемъ дѣло. Цѣлыми днями она сидѣла гдѣ-нибудь въ уголку, молчала и перебирала свои игрушки. Сначала она задавала своимъ близкимъ вопросы, но не получая на нихъ отвѣта, такъ какъ ей казалось, что ей не отвѣчали, она вовсе перестала разговаривать. Это пугало ея родителей, но человѣкъ привыкаетъ ко всему, привыкли и они къ этому молчанію Летти. А дни проходили за днями и Летти совершенно разучилась говорить. И когда ей исполнилось восемь лѣтъ, то это была уже настоящая глухонѣмая, съ которой можно было разговаривать только мимикой и на пальцахъ.

Въ это время умеръ ея отецъ и бѣдная Летти вмѣстѣ со своею матерью очутилась на улицѣ.

— Не бойся, Летти, сказала ей мать.—Я еще могу работать! Я поступлю въ прачки, буду мыть чужое бѣлье и мы не погибнемъ съ голоду!

Летти не понимала, что говорила ей мать, но когда г-жа Симсонъ дѣйствительно открыла прачечное заведеніе, то она съ жаромъ бросилась ей помогать. Она топила печку, разбирала вмѣстѣ съ матерью бѣлье, а когда оно было вымыто и выглажено, то она разносила его по заказчикамъ. Г-жа Симсонъ укладывала бѣлье въ корзинку, писала счетъ и, объяснивъ дѣвочкѣ на пальцахъ, что нужно

было съ нимъ дѣлать, отпускала ее къ заказчикамъ.

— Ты маленькая, Летти, говорила она,—тебя никто не обидитъ! Будь только осторожна и не попади подъ лошадь. А чтобы ты знала, куда тебѣ идти, вотъ тебѣ записная книжка. Въ ней я записала, кто ты, чья ты дочь, гдѣ живешь и куда идешь, и стоитъ только тебѣ показать эту книжку первому городовому, какъ онъ укажетъ тебѣ, куда идти.

И дѣвочка брала отъ матери корзинку и, идя по большому городу, затерянная въ толпѣ, въ массѣ прохожихъ, и не слыша ни шума экипажей, ни звонковъ электрическаго трамвая, переходила только отъ городского къ городовому, показывала каждому изъ нихъ свою книжку и они доводили ее до мѣста. Домой она возвращалась точно такъ-же и приносила матери ея заработокъ. И такъ проходили дни за днями.

— Слава Богу, говорила ея мать.— Безъ бѣднjackи Летти я была бы какъ безъ рукъ... Изъ нея выйдетъ хорошая работница!

И всѣ въ переулкѣ уже привыкли каждое утро видѣть милостивую глухонѣмую дѣвочку въ ея неизмѣнномъ клѣтчатомъ платьѣ, съ корзиной бѣлья на лѣвой рукѣ, а правой поправляющую свои непослушные кудрявые волосы.

— Славная дѣвочка! говорили они.— Жаль только, что она глухонѣмая! Посмотрите, какъ она помогаетъ своей матери!

Но Летти не слышала этихъ похвалъ и только по вечерамъ, усталая отъ дневныхъ трудовъ и ложась спать, бросалась къ своей матери на шею и ласково-ласково произносила:—

— Му-му! Ба-ба-ба, му-му!

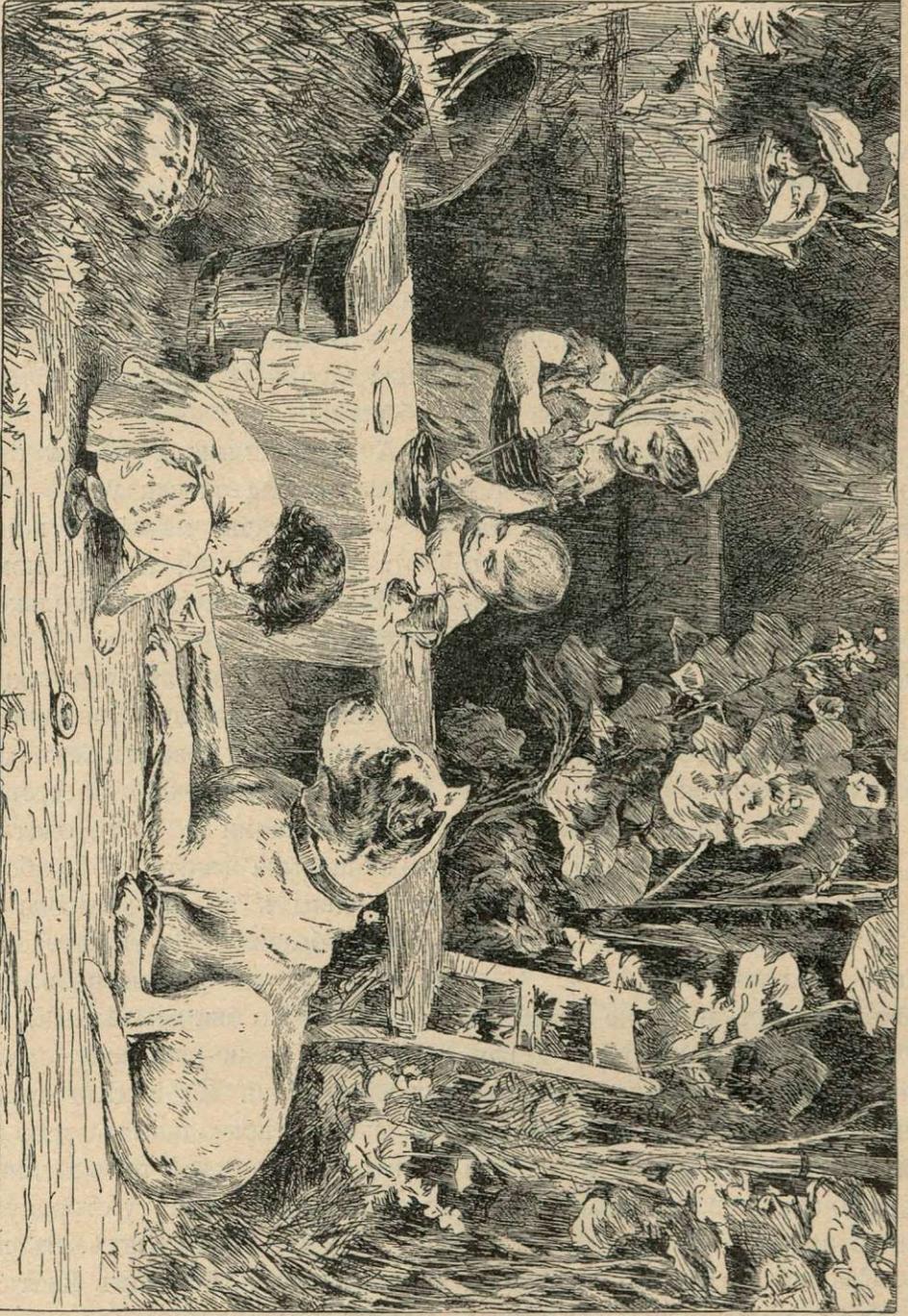
Глядя на ея глазки, мать понимала, что она хотѣла сказать, и прижимала ее къ сердцу. И обѣ начинали плакать.

— Бѣдная ты моя, бѣдная! говорила мать.—И какъ это я тебя не уберегла!

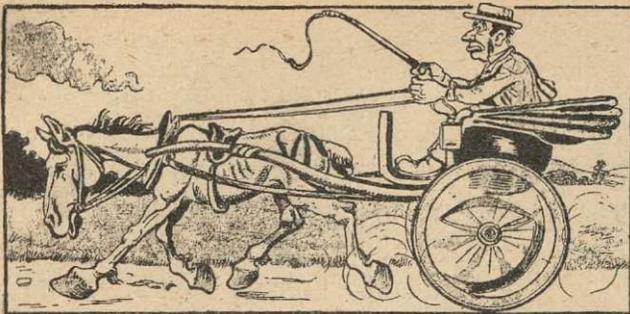
А Летти мычала ей въ отвѣтъ, точно хотѣла ей сказать:

— Не плачь, мама!.. Я понимаю, что тебѣ тяжело, и буду помогать тебѣ отъ всей души, насколько хватитъ силъ.

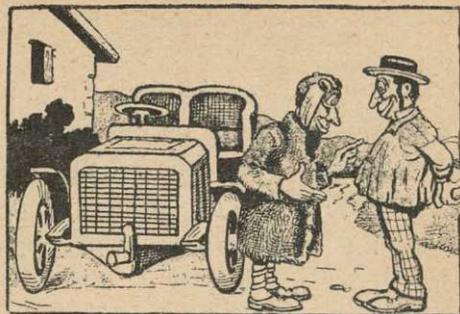
Настало лѣто, всѣ заказчики г-жи Симсонъ разѣхались на дачи и она осталась почти совсѣмъ безъ работы. Чтобы хоть какъ нибудь свести концы съ концами и не голодать, она должна была искать себѣ работы въ отдаленныхъ концахъ города и такимъ образомъ Летти приходилось теперь ходить чуть не по всему Ватерфорду. Но она не унывала, не жаловалась и по-прежнему помогала своей матери. Ее видѣли теперь и далеко за вокзальнымъ депо и въ центрѣ города, гдѣ такъ шумно протекала жизнь, и по ту сторону рѣки, въ рабочихъ кварталахъ. Въ своемъ шерстяномъ клѣтчатомъ платьѣ, въ истоптанныхъ башмакахъ, съ непокрытой головкой, она серьезно тащила тяжелую корзину, въ которой

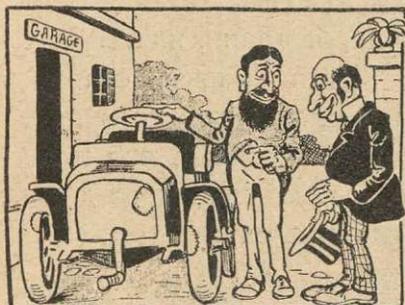
— Пороги, Шарикъ, мы сейчасъ тебя угостимъ!

1. — Эх, старая ты стала, лошадка, воскликнул Козьякинъ.—Надо тебя продать и купить вмѣсто тебя хоть подержанный автомобиль.

2. И Козьякинъ отправился покупать себѣ автомобиль.

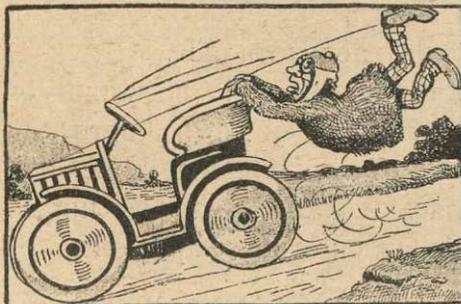
3. — Это хоть и старенькій автомобиль, сказалъ ему продавецъ,—а все еще годится! Онъ дѣйствуетъ не бензиномъ, а спиртомъ!

4. Козьякинъ купилъ автомобиль и поѣхалъ на немъ къ себѣ домой.

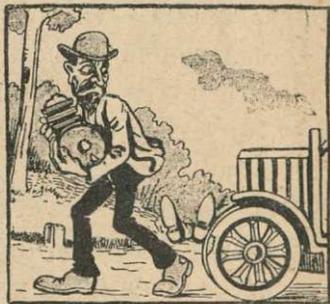
5. — Какъ вдругъ что-то случилось по дорогѣ и автомобиль остановился.

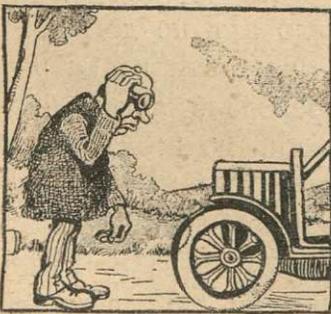
6. Хозяинъ слѣзъ, чтобы поглядѣть, что случилось, какъ вдругъ автомобиль пошелъ самъ собою.

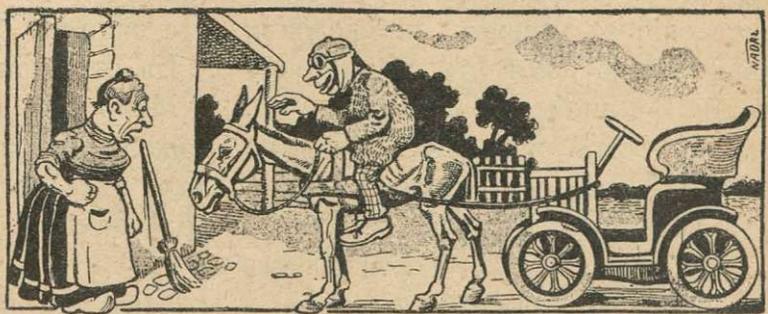
7. Долго леталъ Козьякинъ, пока наконецъ автомобиль не вытаскилъ изъ него жестянку со спиртомъ и Козьякинъ не лишился чувствъ. Въ это время мимо шелъ нищий.

8. Увидѣвъ автомобиль, нищій спиртомъ и пошелъ его шты.

9. Тѣмъ временемъ Козьякинъ пришелъ въ себя.
— Гдѣ-жъ у меня спиртъ? подумалъ онъ.—Какъ-же я теперь поеду?

10. И купивъ осла, онъ запрягъ его въ автомобиль и поѣхалъ къ себѣ домой.
— Что это такое? спросила его жена.— Откуда ты?
— Да вотъ надобно тихо ѣздить, отвѣтила ей Козьякинъ,—такъ я купилъ автомобиль, чтобы ѣздить поскорѣе!

лежали выглаженное бѣлье и книжка съ адресами, и по ея личику можно было судить, что она рѣшилась довести свое дѣло до конца и во что бы то ни стало помочь матери обратиться на дорогу.

Однажды она шла по набережной рѣки. Ей нужно было доставить бѣлье троицъ заказчикамъ и затѣмъ идти къ четвертому за бѣльемъ. Но она не застала дома всѣхъ троицъ и должна была съ полной корзиной идти на другой конецъ города.

Было жарко, солнце пекло немилосердно и Летти очень хотѣлось пить. Она очень устала, ноги подгибались подъ ней и тяжелая корзина оттянула ей плечо.

«Вотъ зайду за этотъ уголокъ», подумала она,—«и отдохну»...

И она зашла за выступъ набережной, гдѣ почти совсѣмъ не было народу, опустила тяжелую корзину на мостовую и перевела духъ. Пробѣжавшій вѣтеръ встряхнулъ ея непослушные волоски, она поправила ихъ и стала отирать платкомъ вспотѣвшее лицо.

Какіе-то два оборванца появились вдругъ со стороны рѣки и, взглянувъ изъ-за периль набережной, стали алчно смотрѣть на корзину Летти. И если-бы она могла слышать, если-бы Божій міръ былъ открытъ не только однимъ ея глазамъ, то она услышала-бы слѣдующій разговоръ:

— А что, Джэкъ, говорилъ одинъ изъ нихъ,—не стащить ли намъ у этой дѣвчонки ея корзину?

— Да, отвѣчалъ другой,—знатное бѣлье! Если-бы его теперь заложить у тетки Рахили, то можно было-бы весело провести вечеръ.

— Давай украдемъ!

— Давай! Только чуръ: деньги пополамъ!

Они перелѣзли черезъ рѣшотку и подошли къ дѣвчонкѣ.

— Вы куда, барышня, идете? обратился къ Летти Джэкъ, стараясь отвлечь ея вниманіе отъ корзины.

Но Летти не понимала его и, думая, что всѣ люди одинаково добры, ласково отвѣтила ему:

— Му-му!

— Что вы говорите? переспросилъ ее Джэкъ.

— Му-му! такъ-же довѣрчиво отвѣтила Летти.

Негодяи расхохотались.

— Да она нѣмая! воскликнулъ одинъ изъ нихъ и давъ Летти такого тумака по шеѣ, что у нея закружилась голова, схватилъ корзину и бросился съ товарищемъ бѣжать.

Она растерялась, не знала, какъ поступить, побѣжала-было за ними сама, но они были старше и сильнѣе ея и ей было ихъ не догнать.

Въ отчаяніи она стала плакать.

Мимо нея проходили люди, проѣзжали извозчики, но всѣмъ было мало дѣла до нея, такъ какъ въ городѣ каждый всегда больше думаетъ о себѣ, чѣмъ о другихъ, и рѣдко обращаетъ вниманіе на несчастіе другого.

— Дѣвочка, ты чего плачешь? обратился къ ней одинъ проходившій мимо господинъ.

Она зашевелила бровями и замелькала передъ его лицомъ пальцами, стараясь рассказать ему по своему, что съ нею случилось, но онъ не понялъ ее и пошелъ отъ нея прочь. Она хотѣла было дать ему прочитавъ въ ея книжкѣ, кто она и гдѣ живетъ, но къ ужасу своему увидала, что воры унесли ее вмѣстѣ съ бѣльемъ, такъ какъ и она лежала тоже въ корзинѣ.

«Теперь я погибну», мелькнуло у нея въ головѣ.—«Я не знаю дороги домой и мнѣ нечего теперь показать городовому...»

И въ отчаяніи, опустивъ руки и повѣсивъ головку на грудь, она побрела, куда глядѣли ея глаза.

Солнце жгло немилосердно, ей попрежнему хотѣлось пить, ноги едва несли ее, но подъ вліяніемъ волненія и безпокойства она не чувствовала своей усталости и все шла и шла, сама не зная куда. Раза два или три она подходила къ городовому, стараясь мимикой объяснить ему, что она заблудилась и не знаетъ, какъ теперь попасть домой, но онъ не понималъ ее, какъ и тотъ господинъ, что обращался къ ней на набережной, и только лѣниво, чтобы отдѣлаться отъ нея, указывалъ ей на ту или другую улицу.

И она шла по большому городу, затерянная въ этомъ громадномъ муравейникѣ изъ людей, гдѣ по бокамъ

ея высились пятиэтажные дома и гдѣ взадъ и впередъ сновали прохожіе и звенѣли трамваи. Но она была среди нихъ одинока, какъ въ пустынѣ, чувствовала себя чужой и всѣ были для нея чужіе. Въ этихъ домахъ жили семьи, быть можетъ счастливыя и зажиточныя, въ которыхъ были такія же дѣти, какъ и она, но они не знали о ней, мимо нея проходили эти господа въ цилиндрахъ и въ нарядныхъ шляпкахъ, но они не догадывались, что она заблудилась и что ей хотѣлось ѣсть и пить.

И она все шла и шла.

Насталъ вечеръ, потянулись заборы, загудѣли фабричныя гудки и ей стали попадаться на встрѣчу толпы рабочихъ, возвращавшихся изъ фабрикъ домой. Здѣсь уже не было красивыхъ построекъ и не видно было уже нарядныхъ господъ.

«Должно быть, я попала на край города», подумала Летти.—«Если я не дойду до ночи домой, то мама умретъ съ горя»...

Летти повернула назадъ, но пройдя нѣсколько шаговъ, снова повернула обратно и теперь поняла, что заблудилась безнадежно.

«Господи», шептала она по своему,—«спаси меня, помоги мнѣ добраться домой».

Но ноги уже не несли ее и она въ безсиліи опустилась на тумбу.

Спустилась ночь, потянуло прохладой и вся жизнь кругомъ нея затихла. Всѣ улеглись спать, а она сидѣла на тумбочкѣ цѣлыми часами и

ея волосы стали влажными отъ росы и вдоль спины пробѣгаль у нея холодъ.

Послышались чьи-то тяжелые шаги. Она подняла уставшія вѣки и увидала нищаго. Онъ былъ старъ, едва передвигаль ноги и подъ мышкой у него была гитара. Летти догадалась, что это былъ музыкантъ, который ходилъ по дворамъ, играль передъ окнами на гитарѣ и ожидалъ, когда ему выкинуть изъ окна копейку. Онъ шелъ и глубоко вздыхаль.

Дойдя до дѣвочки, онъ вздрогнулъ отъ удивленія и наклонился надъ ней.

— Дитя мое, сказалъ онъ,—зачѣмъ ты здѣсь сидишь? Вѣдь уже поздно!

Она пересилила дремоту и усталость, вскочила съ тумбы на ноги и засѣменила передъ его лицомъ пальцами.

— Му-му! сказала она.

Онъ посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Ты глухонѣмая? спросилъ онъ.

Она вновь задвигала бровями и зашевелила пальцами.

— Такъ и есть... сказалъ онъ и покачалъ головою.—Глухонѣмая и къ тому же заблудилась...

И, постоявъ около нея нѣсколько минутъ, онъ глубоко вздохнулъ и опять покачалъ головою.

— Ну, куда намъ съ тобой дѣтись? сказалъ онъ.—Я цѣлый день ходилъ по дворамъ, играль и пѣлъ, но не заработаль ничего, и вотъ теперь голоденъ и не знаю, гдѣ про-

вести ночь. Но развѣ можно тебя бросить одну?

Она не поняла его и вновь зашевелила пальцами.

— Я усталъ, еле плетусь, продолжалъ нищій,—ноги у меня больныя, еле ходятъ, но пойдемъ, я отведу тебя въ почлежный домъ. Я и самъ съ удовольствіемъ переночеваль бы тамъ, но у меня нечѣмъ заплатить за ночлегъ и меня туда не примутъ. Я проведу тебя туда, но такъ какъ ты дитя, ребенокъ, то у нихъ нехватитъ силъ отказать тебѣ... Пойдемъ, моя крошка!

И онъ взялъ ее за руку и повелъ ее обратно въ городъ. Она молча, послушно, послѣдовала за нимъ.

Они побрели въ грязный кварталъ, гдѣ были харчевни и бродили по улицамъ пьяные люди и гдѣ грязь была такъ липка, какъ клей. Дома здѣсь были низкіе, мрачные, такіе-же мрачные, какъ и жившіе въ нихъ люди и изъ дворовъ выбѣгали грязныя лохматыя собаки. Около одного изъ такихъ домовъ нищій остановился и сталъ дергать въ звонокъ.

— Здѣсь почлежный домъ... сказалъ онъ Летти.—Я позвоню, тебя впустятъ и ты отдохнешь... Я-же опять поплетусь своей дорогой, пока не упаду и не умру гдѣ-нибудь подъ заборомъ.

Онъ дернулъ еще разъ въ звонокъ.

— Кто тамъ? послышался голосъ по ту сторону воротъ.

— Пустите переночевать! отвѣтилъ нищій.

Калитка отворилась и въ ней показался мужчина.

— Пять копѣекъ! сказалъ онъ.— Безъ денегъ не принимаемъ.

— Милостивый государь, обратился къ нему нищій и приложилъ руку къ сердцу.— У меня нѣтъ этихъ денегъ, но я прошу васъ не за себя, а за этого вотъ ребенка. Впустите его и Богъ васъ не оставитъ за это.

— Проходите, проходите! отвѣтилъ человѣкъ.— Много васъ тутъ шляется по ночамъ! Безъ денегъ не пускаемъ никого! Только беспокоите!

И мужчина затворилъ передъ ними калитку.

Дѣвочка не понимала этого разговора, но усталость такъ сковала всѣ ея члены, что она готова была упасть прямо на тротуаръ, въ эту липкую грязь, и пролежать на немъ недвижимо до утра.

— Дѣлать нечего, вздохнулъ нищій.— Пойдемъ, мое дитя! Я проведу тебя подъ мостъ и мы тамъ проведемъ эту ночь. Тамъ будетъ сыро отъ рѣки, но зато насъ не промочитъ дождь, которой сейчасъ пойдетъ. Ты въ одномъ только платьицѣ и можешь простудиться... Пойдемъ, мое дитя!

Онъ взялъ ее за руку и почти силою повелъ ее въ городъ. Она еле плелась за нимъ и ей казалось, что она спала и что все это былъ тяжелый сонъ, отъ котораго она никакъ не могла пробудиться.

Они шли очень долго, куда-то далеко, проходили по пустыннымъ

улицамъ и переулкамъ и вышли наконецъ на площадь. Отсюда шла улица прямо къ рѣкѣ, черезъ которую былъ перекинутъ громадный, чугунный мостъ.

— Вотъ мы и пришли! сказалъ нищій и крѣпче взялъ Летти за руку.— Не оступись, мое дитя! Мы сойдемъ сейчасъ къ самой водѣ и затѣмъ подлѣземъ подъ то самое мѣсто, гдѣ мостъ упирается въ берегъ. Тамъ есть уютный уголокъ, въ которомъ проводятъ ночи бездомныя горемыки. Иди вотъ сюда!

И онъ повелъ Летти подъ мостъ.

Было сыро и свѣжо и желѣзныя арки потянулись у Летти надъ головой. Глаза ея слипались и ноги еле держали ее и, какъ была, она упала прямо на голую землю.

— Устала!.. проговорилъ нищій и покачалъ головой.— Бѣдная, бѣдная горемыка!

И снявъ съ себя рваный пиджакъ, онъ заботливо укрылъ имъ Летти и благоговѣнно поцѣловалъ ее во влажный отъ появившейся росы лобъ.

— Спи съ Богомъ!.. сказалъ онъ.— Отдохни немного! А я посижу около тебя и поберегу твой покой!.. Ахъ, ноги мои, ноги!.. Какъ онѣ болятъ, какъ онѣ отказываются мнѣ служить!

И дрожа отъ сырости, онъ присѣлъ около нея и, весь съезжившись въ комокъ, сталъ смотрѣть печальными глазами на мутныя воды рѣки, плескавшей о берега, и на большой, терявшійся въ туманѣ городъ, въ которомъ было столько краси-

выхъ построекъ и такъ мало добрыхъ людей.

Настало утро. Летти проснулась рано, вся мокрая отъ росы. Надъ нею уже громыхали по мосту телѣги и ломовые и въ первую минуту она никакъ не могла понять, гдѣ находилась.

— Проснулась? спросилъ ее нищій, который не спалъ всю ночь.— Тебѣ холодно? Но что-же дѣлать? Теперь намъ съ тобою нужно заработать себѣ кусокъ хлѣба, такъ какъ я и ты голодны.

И опять взявши ее за руку, онъ вывелъ ее изъ-подъ моста и повелъ ее за собою въ городъ.

Раскрывались лавки и магазины, изъ булочной пахло вкуснымъ, горячимъ хлѣбомъ, который приготовленъ былъ къ утреннему чаю тѣхъ людей, которые могли его купить. Летти вспомнила о своей матери, о кофе, который она пила по утрамъ, ей страшно захотѣлось ѣсть и она стала плакать.

— Ты голодна, моя крошка? обратился къ ней нищій.— Ты плачешь? Вотъ погоди немножко, мы зайдемъ въ этотъ дворъ, что-нибудь споемъ и намъ выкинуть изъ окна монету.

Онъ ввелъ ее за собою во дворъ. Это былъ не дворъ, а колодезь, въ который выходили кухни и людскія всѣхъ шести этажей громаднаго дома, внутри котораго былъ этотъ дворъ. Въ немъ было сыро и пасмурно и штукатурка на домѣ почти вся облѣзла.

Нищій настроилъ свою гитару, поставилъ передъ собою Летти, заигралъ и старческимъ разбитымъ голосомъ запѣлъ. Летти не слышала ничего и только съ жадностью смотрѣла на окна, изъ которыхъ ей могли кинуть кусочекъ хлѣба.

Но ей никто его не кинулъ.

Нищій опять взялъ ее за руку и опять вывелъ ее на улицу.

— Никто ничего не подалъ... вздохнулъ нищій.— Точно такъ-же, какъ и вчера. Да оно такъ и должно быть... Потому что я никому не нуженъ... Ахъ, дѣвочка, дѣвочка!.. Когда-то и я былъ великій музыкантъ, обо мнѣ говорили, писали въ газетахъ, мнѣ аплодировали въ театрахъ, знакомство со мной считали за честь, а теперь... Теперь я одинокъ и никому не нуженъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я простудился и потерялъ свой голосъ, всѣ отшатнулись отъ меня, для всѣхъ я сталъ чужой и вотъ теперь я хожу по дворамъ и прошу милостыню!

И они снова стали ходить изъ улицы на улицу, со двора на дворъ и всюду нищій игралъ и пѣлъ, но никто имъ не подавалъ.

— Знаешь что? вдругъ воскликнулъ нищій и глаза его заблестали.— Пойдемъ въ деревню! Въ деревнѣ люди не такъ жестоки, какъ въ городѣ, потому что живутъ ближе къ природѣ и знаютъ Бога! Тамъ намъ дадутъ поѣсть!

И крѣпко сжавши ея ручку въ своей рукѣ, онъ почти насильно потянулъ

ее куда-то далеко, туда, гдѣ вдалекѣ виднѣлись деревья и гдѣ тонкой линіей небо сходилось съ землею.

Летти не понимала, что съ ней дѣлалъ старикъ, у нея отъ голода болѣлъ животъ и стала кружиться голова и вѣки закрывались сами собой. Она шла за нищимъ, еле передвигая ноги отъ усталости и уже перестала замѣчать, что происходило у нея по сторонамъ. А когда они вышли изъ города и поплелись по шоссе, вдоль котораго тучами носились по вѣтру пыль и шумѣли деревья, она почувствовала, что они за городомъ и что теперь она была отъ матери уже такъ далеко, что ей уже не увидать ее никогда.

— Иди, иди! говорилъ ей нищій.— Въ деревнѣ насъ накормятъ и ты будешь сыта.

Она хотѣла ему что-то по своему сказать, но не смогла, и вдругъ всею тяжестью своего маленькаго тѣльца повалилась на землю и лишилась чувствъ.

— Свалилась... проговорилъ нищій.— Не смогла... Я тоже еле иду и если мнѣ не дадутъ сейчасъ поѣсть,

то я умру и этотъ ребенокъ тоже погибнетъ. Господи, помоги мнѣ!

И, отбросивъ гитару за спину, онъ нагнулся надъ дѣвочкой, взялъ ее на руки и, изгибаясь подъ тяжестью своей ноши и качаясь изъ стороны въ сторону, какъ пьяный, понесъ Летти туда, гдѣ изъ-за фруктовыхъ деревьевъ ласково выглядывали красныя крыши подгородной деревни.

— Сейчасъ... сейчасъ... шепталъ онъ и тяжело дышалъ.— Сейчасъ мы придемъ въ деревню и тамъ намъ дадутъ хлѣба... молока... Ты поѣшь и придешь въ себя... Охъ, тяжело, не могу больше... Я сейчасъ упаду и ты можешь погибнуть... Господь не лишитъ меня силъ...

Онъ, сталъ качаться еще болѣе, его ноша почти пригибала его къ землѣ и у Летти болталась голова такъ, какъ у мертвой птички, которую мальчикъ треплетъ туда и сюда.

— Нѣтъ... не могу! простоналъ нищій.— У меня не хватаетъ больше силъ!

И сдѣлавъ еще два шага впередъ, онъ вмѣстѣ съ Летти безъ чувствъ повалился на траву.

Ч.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РЕБУСЪ № 9.

ГОЛОВОЛОМКА.

Даны слова: рамка,
заборъ,
колось,
мука,
норовъ,
Марія.

Переставить въ нихъ буквы такъ, чтобы изъ 1-го слова получилось то, что наклеиваютъ на квитанціи и письма; изъ 2-го то, что вѣшаютъ въ комнатахъ на видномъ мѣстѣ; изъ 3-го—хищная птица; изъ 4-го крестная мать; изъ 5-го—тоже хищная птица и изъ 6-го войско.

Начальныя буквы этихъ новыхъ словъ должны составить собою названіе большого русскаго города.

ЗАГАДКА.

Гдѣ начало того конца, которымъ кончается начало?

ЗАДАЧА.

Летѣла стая гусей.

— Здравствуйте, сто гусей! крикнулъ имъ гусь, сидѣвшій на лугу.

— Нѣтъ, насъ не сто гусей, отвѣчали ему гуси.—Если-бы насъ было еще столько-же, да полъ-столько, да

четверть столько, да еще ты, гусь, на придачу, то насъ было-бы тогда сто.

Сколько летѣло гусей?

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно разгадавшихъ эти ребусъ, головоломку, загадку и задачу будутъ напечатаны).

РѢШЕНИЕ АРИѠМОГРАФА № 7.

Соколъ, роза, килька, синька, корона, риза, икра, лосось, корзина, кизиль, ласка, кроликъ, солонина, казакъ, клиника = Разсолъникъ.

РѢШЕНИЕ ГОЛОВОЛОМКИ,
ПОМѢЩЕННОЙ ВЪ № 14:

Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру.

Вѣрное рѣшеніе этихъ ариѠмографа и головоломки прислали: Коля Даниловъ въ Саратовѣ, Анна Пинчевская въ Қишиневѣ, Митя Новицкій въ Ахтыркѣ, Ляля и Шура Ардабацкія въ Спб., Шура Қорчагинъ въ Спб., Миша Магитъ въ Ливнахъ, Нина и Сережа Неврли—пристань Сомино, Сережа Комиссаровъ, Витя Қвѣцинскій въ Ставрополѣ, Н. Баскаковъ въ Спб., Боря Гельцеръ и Володя Мазуркевичъ въ Кіевѣ, Наташа Дитяткина въ Старой Руссѣ, Коля Григорьевъ въ Кологривѣ, Dina Okun—Hamburg, И. Матвѣевъ въ Москвѣ, Шура Романчукъ въ Сиверской, Миша Қолбасевъ въ Гатчинѣ, Боря Ожиговъ въ Угличѣ, Ваня Масумовъ въ Астрахани, Оля Қоролько въ Спб., Шура Чернытнская въ Измаилѣ, Алеша Вѣлявскій въ Челябинскѣ, Андрюша Петровъ въ Череповцѣ.